

Содержание

Об этой книге. <i>О.И. Половинкина</i>	9
--	---

Часть первая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

<i>О.Е. Осовский</i> Проблемы исторической поэтики в трудах Игоря Шайтанова 1990–2010-х годов	13
---	----

Глава 1

Теория и методология компаративистики

<i>Д.М. Соболев</i> Понятие «мировая литература» и его проблемы	20
<i>Н.Э. Гронская, В.Г. Зусман</i> Метакомпаративистика и компаративистика: постановка проблемы	54
<i>А.И. Жеребин</i> К определению понятия «инокультурная интерпретация»	66
<i>Е.Е. Дмитриева</i> В.В. Стасов: единомышленник А.Н. Веселовского или его антагонист? (К проблеме чужеродных истоков национальной самобытности)	77

Глава 2

В пространстве исторической поэтики

<i>А.Е. Махов</i> «E multis in unum...»: из истории поэтологической топика	97
<i>А.В. Голубков</i> Французская прециозность середины XVII в.: «забавная» vs «барочная»?	110
<i>Е.В. Егорова, С.В. Сапожков</i> От «Лесного царя» Гёте–Шуберта к фантастике «Штосса»: некоторые западноевропейские источники последней повести М.Ю. Лермонтова	126

<i>А.В. Саломатин</i>	Реализация эпиграмматической структуры в стихотворениях Ф.И. Тютчева	142
<i>Ю.Ю. Данилкова</i>	Роль аллюзий, реминисценций и цитат в драме Г. Бюхнера «Смерть Дантона»	155
<i>Е.Д. Гальцова</i>	Оскар Уайльд в творчестве Альбера Камю: зеркала эстетизма и жертвоприношение «Веры»	166

Часть вторая

АНГЛИСТИКА: ШЕКСПИР И КОМПАНИЯ

<i>Е.М. Луценко, О.И. Половинкина</i>	Современная англистика: Игорь Шайтанов	189
---------------------------------------	--	-----

Глава 1

Шекспир в России

<i>Е.Ю. Виноградова</i>	«Видения посетят» и «грустный домик Дездемоны»: две «очень чеховские» шекспировские темы	199
<i>Е.М. Луценко</i>	«...Под руку с Морозовым»: разночтения ранних редакций «Ромео и Джульетты» в переводе Б. Пастернака	210
<i>И.Н. Лагутина</i>	«Колхозники требуют постановок Шекспира...»: шекспировский юбилей 1939 г. и деятельность М.М. Морозова по его подготовке и проведению	231
<i>О.Ю. Панова</i>	«Шекспир – мой друг...»: Сергей Динамов, Уильям Шекспир и сталинский «поворот к классике» 1930-х годов	248
Архивные документы	Стенограмма доклада тов. Динамова «Шекспир в целом» в Клубе театральных работников Центрального дома работников искусств (ЦДРИ при ЦК РАБИС) 17 октября 1933 г. г. Москва. <i>Подготовка текста и комментарии О.Ю. Пановой.</i>	259

Глава 2
Компаративно о Шекспире

<i>Н.А. Шаталова</i> «Проблемные» пьесы Шекспира и жанровый эксперимент	273
<i>М.Б. Смирнова</i> Кориолан Кальдерона и Шекспира: «параллельные жизнеописания»	279
<i>И.В. Ершова</i> Шекспир и Лопе де Вега: поэтика рефлексии <i>vs</i> поэтика игры (к постановке проблемы)	292
<i>Е.А. Шевченко</i> «Макбет» в «Повести о двух городах» Ч. Диккенса: история с шекспировской атмосферой	303
<i>Л.В. Егорова</i> «Неизреченные дела» «Макбета»	316

Глава 3
Шекспир *urbi et orbi*:
новые переводы

Г.Н. Хадсон и М. Фуллер о Шекспире. <i>Перевод с английского и комментарии И.В. Морозовой.</i>	327
Ортега-и-Гассет о Шекспире. <i>Перевод с испанского, вступительная статья и комментарии Н.А. Пастушковой</i>	335

Глава 4
Англистика:
компаративные сюжеты

<i>Б.М. Проскурнин</i> Роман Джордж Элиот «Дэниел Деронда»: из истории рецепции романа в России второй половины XIX в.	343
<i>О.И. Половинкина</i> «Мука и му́ка»: Дж. Альфред Пруфрок, «бледный Пьеро» и основы современного бытия	361

Часть третья
ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

<i>В.И. Козлов</i> Роль «хранителя ценностей» в современной русской поэзии	391
<i>А.Д. Алехин</i> Шайтанов и «Арион»	397

Глава 1

Современность и литературный процесс

<i>В.Л. Махлин</i> «Современность» в круге понимания: к семантике «нового» в Новое время	404
<i>В.И. Новиков</i> По ту сторону риторики: Русская поэзия на переломе XX и XXI вв.	414
<i>А.Э. Скворцов</i> Пласт Константина Случевского в поэзии Олега Чухонцева	421

Глава 2

Публицистика

<i>В.И. Новиков</i> Книга о писателе как жанр: заметки практика	433
<i>Е.А. Погорелая</i> «Это – ряд наблюдений...»	439
<i>О.В. Кудрин</i> Непарадный коллективный портрет: Шорт-лист «Русского Букера»–2015	457
Abstracts	475
Сведения об авторах	491

Об этой книге

Этот коллективный труд создавался как дань уважения и восхищения исследовательским талантам Игоря Олеговича Шайтанова, выдающегося ученого-англиста, шекспироведа, авторитетного литературного критика, видного специалиста по русской поэзии, автора важнейших работ по исторической поэтике и компаративистике, разработчика русского варианта «биографии идей». Книга задумана как развернутый комментарий к высказанному им за десятилетия научной деятельности.

В соответствии с направлениями научных интересов Шайтанова сборник делится на три большие части: «Историческая поэтика и сравнительный метод», «Англистика: Шекспир и компания» и «Литературное сегодня», позволяющие получить достаточно полное представление об идеях Шайтанова и их функционировании в современном литературоведении и критике. Части открываются научными статьями, посвященными осмыслению сделанного И.О. Шайтановым в данной области знания. Библиография к этим статьям включает все самые важные его работы.

Глава «Теория и методология компаративистики», с которой начинается первая часть, представляет историю компаративистики и критический анализ ее современного состояния (Д. Соболев), идею метакомпаративистики, комментирующую компаративный подход в условиях глобализации (В. Зусман и Н. Гронская), размышления о специфике инокультурной интерпретации (А. Жеребин, Е. Дмитриева). Глава «В пространстве исторической поэтики» представляет панораму исследовательских сюжетов, демонстрирующих обозначенную Веселовским и развернутую в пределах современной мысли Шайтановым взаимосвязь компаративистики и поэтики, – от поэтологической истории риторического аргументативного приема «*e multis in unum*» (А. Махов) до выявления западноевропейских источников последней повести М.Ю. Лермонтова (Е. Егорова и С. Сапожков), нового взгляда на французскую прециозность (А. Голубков), анализа эпиграмматической природы некоторых стихотворений Тютчева (А. Саломатин) и исследования идеи эстетического и социального бунта у Г. Бюхнера (Ю. Данилкова) и А. Камю (Е. Гальцова).

Основное внимание во второй, посвященной англистике, части уделяется сравнительному исследованию Шекспира в контексте литератур России (глава «Шекспир в России») и Запада (главы «Компаративно о Шекспире» и «Шекспир *urbi et orbi*: новые переводы»). Статьи этих разделов включают публикацию архивных документов и новые переводы из истории шекспирианы. Судьба шекспировского наследия в России исследуется в трех основных направлениях:

история усвоения шекспировской образности русской литературой (Е. Виноградова); история переводов и редактирования переводов (Е. Луценко); история советского шекспироведения 1930-х годов (статьи, написанные И. Лагутиной и О. Пановой, представляют осмысление практически неизвестных архивных материалов). Компаративные исследования следующей главы обращены к толкованию самих шекспировских текстов, проникая в их поэтическую сущность через изучение жанрового эксперимента (Н. Шаталова), через сопоставление с Кальдероном, Лопе де Вега, Диккенсом (М. Смирнова, И. Ершова, Е. Шевченко), пристальное чтение в сопоставлении с вариантами русских переводов (Л. Егорова). В двух статьях главы «Англистика: компаративные сюжеты» представлены исследования культурных взаимодействий, связанные с историей идей – динамикой «еврейского вопроса» (Б. Прокурнин), культурным самосознанием модерна (О. Половинкина).

Часть третья «Литературное сегодня» включает, с одной стороны, статьи, написанные с литературоведческих позиций: трактующие в актуальном для современной России ключе философски понятую современность (В. Махлин), а также – на материале поэзии – современный литературный процесс (В. Новиков, А. Скворцов). С другой стороны, неизбежным образом в разделе о литературном сегодня присутствуют статьи, написанные в публицистическом духе литературными критиками В. Новиковым, Е. Погорелой, О. Кудриным.

Книга представляет итог многолетней работы по формированию научной школы, осуществляемой И.О. Шайтановым как инициатором и руководителем ежегодных научных семинаров «Современные проблемы компаративистики» и «Шекспир и культура Возрождения» (РГГУ, 2010–2016), заведующим кафедрой Сравнительной истории литератур Института филологии и истории РГГУ и главным редактором журнала «Вопросы литературы». Основная часть включенных в книгу материалов была представлена на этих научных семинарах, некоторые были впервые опубликованы в форме статей в журнале «Вопросы литературы».

Среди авторов этой книги особое место занимают сотрудники кафедры Сравнительной истории литератур. Тем не менее книга представляет работы широкого круга литературоведов. Авторский коллектив включает ученых из ведущих учебных и исследовательских институтов России (Московского государственного университета, Высшей школы экономики, ИМЛИ РАН, Московского педагогического государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Пермского государственного научно-исследовательского университета, Южного федерального университета, Приволжского федерального университета), а также из университета Хайфы (Израиль).

О.И. Половинкина

Часть первая
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА
И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Олег Осовский

Проблемы исторической поэтики
в трудах Игоря Шайтанова 1990–2010-х годов

В статье рассматривается весь спектр исследований И.О. Шайтанова 1990 – начала 2010-х годов, посвященных проблемам исторической поэтики. С начала 1990-х годов Шайтанов обращается к изучению жанрового слова и жанровой поэтики у формалистов и М.М. Бахтина, переходя в 2000-е годы к масштабному описанию замысла исторической поэтики у А.Н. Веселовского и его имплементации не только в опубликованных трудах, но и в различного рода фрагментах, набросках и других архивных материалах. Определение контуров исторической поэтики и сравнительного метода как ее основного методологического инструмента позволяет исследователю предложить свой вариант изучения и описания в контексте исторической поэтики интересных его явлений литературы и культуры самых разных эпох. Принципиальным итогом этого обширного научного проекта становится издание Шайтановым в 2006–2010 гг. двухтомника «Избранное» А.Н. Веселовского, важнейшую часть которого составляет реконструированная «Историческая поэтика». Тем самым была заложена научная основа для дальнейшего развития исследований по исторической поэтике, осуществляемых, как показывает практика самого И.О. Шайтанова, в продуктивном контакте с компаративистикой.

Ключевые слова: историческая поэтика, наследие А.Н. Веселовского, сравнительный метод, труды И.О. Шайтанова.

В сложном многоотъемье научных интересов И.О. Шайтанова вопросы исторической поэтики занимают важное место. Это вполне объяснимо: историку литературы, специалисту в области отечественной и зарубежной поэзии, знатоку современной теории, тонкому интерпретатору феноменов культуры нужен особый инструмент, для того чтобы соединить все эти аспекты воедино, и историческая поэтика дает такую возможность, о чем сам исследователь подробно говорил, приводя в пример биографию А.Н. Веселовского [Шайтанов 2002].

Вряд ли будет преувеличением сказать, что в лице И.О. Шайтанова сегодняшняя историческая поэтика получила убедительного толкователя и реконструктора научного наследия А.Н. Веселовского. При этом следует отметить, что в своих работах литературовед не только переосмысливает сложившуюся в XX в. традицию исторической поэтики, но и, как будет показано ниже, предлагает свой вариант ее развития.

Как известно, судьба научного наследия А.Н. Веселовского в России складывалась непросто. Собрание его сочинений, начатое еще до 1917 г., так и осталось незавершенным, в конце 1930-х годов была опубликована подготовленная В.М. Жирмунским «диалогия», состоявшая из «Избранных статей» и «Исторической поэтики» и до недавнего времени остававшаяся самым полным и доступным для филолога изданием [Веселовский 1939; Веселовский 1940]. Ученый вошел в круг классиков российской филологии, о чем наглядно свидетельствуют материалы юбилейного номера «Известий АН СССР», посвященного его столетию [Известия 1938].

То, что было сделано для развития сравнительно-исторического литературоведения прежде всего В.М. Жирмунским, М.П. Алексеевым, Н.И. Конрадом, отчасти О.М. Фрейденберг, В.Я. Проппом и М.М. Бахтиным, заметно дополнили Е.М. Мелетинский, М.И. Стеблин-Каменский, Д.С. Лихачев, И.К. Горский, авторы коллективных сборников по исторической поэтике, подготовленных ИМЛИ в 1980-е – начале 1990-х годов. Именно их усилиями, равно как и трудами С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, П.А. Гринцера, А.В. Михайлова и других, у большей части российского филологического сообщества сложилось отношение к исторической поэтике как к особой отрасли филологического знания. В этом контексте нельзя не отметить роль А.В. Михайлова, чья монография «Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры» [Михайлов 1989] представляет новый взгляд на историю формирования поэтики как науки «до-исторической», так сказать, эпохи в условиях немецких университетов XIX в., через которые в свое время прошел и А.Н. Веселовский.

Неудивительно, что на рубеже 1980–1990-х годов происходит поворот к проблемам исторической поэтики и у И.О. Шайтанова, в тот момент одного из самых известных и перспективных молодых профессоров-англистов МГПИ им. В.И. Ленина. Поскольку жанр юбилейного издания позволяет обращаться не только к научным или литературным источникам, но и к воспоминаниям, не могу не сослаться на то впечатление, которое произвел на нас, преподавателей провинциальных вузов, собравшихся на факультете выше-

ния квалификации осенью 1990 г., прочитанный Шайтановым курс лекций по исторической поэтике. Именно тогда нам довелось впервые увидеть четко сформулированную современную интерпретацию идей А.Н. Веселовского, вписанных в контуры ее дальнейшей эволюции от М.М. Бахтина и «формалистов» до современных его исследователей. Не могу не отметить, что разговоры с И.О. Шайтановым на темы исторической поэтики стали непосредственной причиной появления ряда статей автора этих строк [Осовский 1991а; Осовский 1991б; Осовский 1997].

Наследие А.Н. Веселовского закономерно оказывается в центре исследований И.О. Шайтанова 1990-х годов, при этом автор в характерной для него манере идет против устоявшейся «научной моды». Вопреки ставшему почти нормой требованию этого десятилетия превращать «формальную школу» и «круг Бахтина» в непримиримых оппонентов, ему в равной степени близки и интересны и формалисты, и Бахтин как наследники А.Н. Веселовского: здесь они скорее союзники, чем враги. В этом глубинный смысл статей «Бахтин и формалисты в пространстве исторической поэтики» [Шайтанов 1994], «Жанровая поэтика» и «Жанровое слово у Бахтина и формалистов» [Шайтанов 1996а; Шайтанов 1996б]. Исследователя все более занимает нереализованный потенциал исторической поэтики А.Н. Веселовского, возможности приложения предложенной в ней модели к самому разнообразному литературному материалу. Это движение мысли можно определить как приближение к новым контурам исторической поэтики, определение ее современных задач.

Именно в этом, как мне кажется, заключается главная цель работ И.О. Шайтанова, посвященных проблемам исторической поэтики в 2000-е годы. Масштабный проект – реконструкция «Исторической поэтики» (в соответствии с замыслом самого А.Н. Веселовского, оставшимся лишь в его планах) – будет реализован в конце 2000-х годов в виде двухтомника «Избранное» [Веселовский 2006; Веселовский 2010]. В этот же период публикуется ряд статей И.О. Шайтанова, в частности «Классическая поэтика неклассической эпохи. Была ли завершена “Историческая поэтика”?» [Шайтанов 2002], «Историческая поэтика А.Н. Веселовского: сравнительный метод» [Шайтанов 2007], «Зачем сравнивать? Компаративистика и/или поэтика» [Шайтанов 2009] и др., в которых не просто изложено понимание автором значения идей А.Н. Веселовского для современного российского литературоведения, но предложена целостная программа построения фактически новой литературоведческой отрасли, сочетающей компаративистский и историко-поэтологический аспекты. Последнее чрезвычайно важно. Может

показаться, что И.О. Шайтанов приходит к тому же, к чему пришли В.М. Жирмунский и М.П. Алексеев, т. е. к сравнительному литературоведению, однако это принципиально новый сравнительно-исторический подход, отличающийся не только отчетливой идеологизированностью, но и гораздо более широким охватом проблем. Новый подход заметно обогащен открытиями современной гуманитарной науки и гораздо более отчетливо ориентирован на реализацию установок, содержащихся в материалах «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского.

Убедительным подтверждением глубокой продуманности замысла и точного понимания сущности «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского как раз и становится публикуемый И.О. Шайтановым двухтомник «Избранное». Первый том составила реконструированная им «Историческая поэтика», второй – «сопутствующие материалы», публикация которых позволила дополнить намеченное ученым и тем самым заметно расширить представление о границах исторической поэтики как науки. Двухтомник стал редким примером того, как вполне автономные по содержанию тома, каждый из которых обладает несомненной научной ценностью и самодостаточностью, превращаются благодаря замыслу составителя в единое научное целое. При этом первый том остается все же наиболее важным. Это осознает и сам составитель, предпосылающий именно первому тому развернутое введение (ту самую статью о «классической поэтике неклассической эпохи»).

Хотя диалог И.О. Шайтанова с В.М. Жирмунским оказывается по преимуществу в подтексте книги, обращает на себя внимание уважительное отношение к предшественнику, демонстрируемое и во вступительной статье, и в комментарии. То, что И.О. Шайтанов избирает иной путь, как представляется, куда более близкий замыслу А.Н. Веселовского, не мешает ему видеть в сделанном В.М. Жирмунским важный этап не только в деле сохранения научного наследия А.Н. Веселовского, но и в самом процессе развития исторической поэтики в XX в.

Для составителя не возникает вопроса, считал ли завершеной свою концепцию исторической поэтики автор. Ему близка давно укоренившаяся в отечественном литературоведении точка зрения на «историческую поэтику» А.Н. Веселовского как на научную теорию, если и не получившую оформления в виде законченного труда, то вполне сложившуюся на уровне концептуальном. Реконструкция открывается статьей А.Н. Веселовского «Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы», которая в результате приобретает принципиальное звучание и, по большому счету, определяет восприятие следующих за ней текстов.

В той логике, которой вслед за А.Н. Веселовским руководствуется составитель, как нельзя более уместной выглядит статья «Определение поэзии». В ней автор фактически предлагает определение исторической поэтики как особой литературоведческой дисциплины, ее целей, задач, материала, ее, говоря сегодняшним языком, исследовательской методологии и технологии. В этом смысле чрезвычайно показателен открывающий работу фрагмент: «Давно чувствуется потребность заменить ходячие “теории поэзии” чем-нибудь более новым и цельным, что бы отвечало тем потребностям знания, которые вызвали в наши дни сравнительно-историческую грамматику и сравнительную мифологию. Указав на эти дисциплины, я с тем вместе определил задачи, материал и метод новой поэтики. Ее задачей будет: генетическое объяснение поэзии как психического акта, определенного известными формами творчества, последовательно накапливающимися и отлагающимися в течение истории; поэзии, понятой как живой процесс, совершающийся в постоянной смене спроса и предложения, личного творчества и восприятия масс, и в этой смене вырабатывающей свою законность. Материалом такой поэтики будет поэзия во всех ее доступных нам проявлениях, от эротических порывов австралийской хоровой пляски до Шекспира и Отелло включительно. Чем обширнее охваченная область, тем более результатов следует ожидать от сравнительного изучения поэтических фактов, ибо метод новой поэтики будет сравнительный» [Веселовский 2006: 83].

Устойчивый интерес ученого к поэзии как «первичному» материалу для анализа определяет характер текстов следующей части книги, получающей выразительный и необычайно современно звучащий заголовок – «Исторические условия поэтической продукции». Отметим важнейшие изменения, внесенные И.О. Шайтановым: «Три главы из исторической поэтики», традиционно публиковавшиеся вместе, оказались там, куда определял их сам А.Н. Веселовский. Между первой («Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов») и второй («От певца к поэту. Выделение понятия поэзии») напечатана статья «Эпические повторения как хронологический момент», выступающая своего рода связующим звеном.

Причины перестановок в разделе «История поэтического стиля» прекрасно объяснены составителем: «...работа о психологическом параллелизме печатается вслед за главой “Язык поэзии и язык прозы”. Там был дан более общий аспект проблемы поэтического языка и предпринято определение психологического параллелизма...» [Веселовский 2006: 498]. Составитель сохранил в качестве финальной части «Поэтику сюжетов», дополнив ее фрагментами

из архива А.Н. Веселовского, которые позволили заглянуть в творческую лабораторию ученого, увидеть, как и в каком направлении двигалась его мысль.

Реконструкция «Исторической поэтики» в соответствии с замыслом самого А.Н. Веселовского нашла в предложенном И.О. Шайтановым варианте адекватное воплощение, на что указывало подавляющее большинство рецензентов [Дарвин 2008; Осовский, Гудкова 2009а; Осовский, Гудкова 2009б]. Дополненная томом статей, она стала реальной основой для дальнейшего развития исторической поэтики, во многом предопределила современное отношение к личности и наследию создателя «Исторической поэтики» [Зубарева 2013].

О плодотворности подобного подхода свидетельствуют и исследования И.О. Шайтанова рубежа 2000–2010-х годов, наглядно доказывающие перспективность соединения исторической поэтики и компаративистики. Этой задаче подчинена большая часть работ, опубликованных в книге «Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики» [Шайтанов 2011], в том числе статьи, посвященные творчеству Шекспира, судьбам сонета, переводу как проблеме компаративистики и др. Можно предположить, что именно в этом русле будут развиваться наиболее значительные исследовательские проекты в проблемном круге исторической поэтики в ближайшие годы.

Список литературы

Веселовский 1939 – *Веселовский А.Н.* Избранные статьи / Под общ. ред. М.П. Алексеева, В.А. Десницкого, В.М. Жирмунского и А.А. Смирнова. Вступ. ст. В.М. Жирмунского. Комментар. М.П. Алексеева. Л.: ГИХЛ, 1939.

Веселовский 1940 – *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / Ред., вступ. ст. и прим. В.М. Жирмунского. Л.: Гослитиздат, 1940.

Веселовский 2006 – *Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика / сост., вступ. ст. и коммент. И.О. Шайтанова. М.: РОССПЭН, 2006.

Веселовский 2010 – *Веселовский А.Н.* Избранное: историческая поэтика / сост., коммент. и послесл. И.О. Шайтанова. М.: Автокнига, 2010.

Дарвин 2008 – *Дарвин М.Н.* Еще раз о «недостроенном здании» исторической поэтики А.Н. Веселовского // Новый филологический вестник: Филологический журнал. М., 2008. № 1 (6). С. 143–247.

Зубарева 2013 – *Зубарева В.К.* Перечитывая А. Веселовского в XXI веке // Вопр. лит. 2013. № 5. С. 47–81.

Известия 1938 – Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1938. № 4.

Михайлов 1989 – *Михайлов А.В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. М.: Наука, 1989.

Осовский 1991а – *Осовский О.Е.* Роман в контексте исторической поэтики // М.М. Бахтин и методология современного гуманитарного знания: Тез. / МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск: Изд. Морд. ун-та, 1991. С. 108–109.

Осовский 1991б – *Осовский О.Е.* Роман в контексте исторической поэтики: от А.Н. Веселовского к М.М. Бахтину // Бахтинский сборник. М.: Б.и., 1991. Вып. 2. С. 312–342.

Осовский 1997 – *Осовский О.Е.* Проблемы сравнительно-исторической поэтики в отечественном литературоведении 1920–1930-х гг.: к постановке вопроса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 1997. № 1. С. 3–11.

Осовский, Гудкова 2009а – *Осовский О.Е., Гудкова С.П.* Историческая поэтика А.Н. Веселовского: интерпретация для XXI века // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2009. № 1. С. 393–394.

Осовский, Гудкова 2009б – *Осовский О.Е., Гудкова С.П.* [Рец.] А.Н. Веселовский. Избранные труды. Историческая поэтика // Изв. РАН. Сер. «Лит. и яз.» 2009. № 6. С. 57–61.

Шайтанов 1994 – *Шайтанов И.О.* Бахтин и формалисты в пространстве исторической поэтики // М.М. Бахтин и перспективы гуманитарных наук: мат. науч. конф. (Москва, РГГУ, 1–3 февраля 1993 г.). Витебск: Издатель Н.А. Паньков, 1994. С. 16–21.

Шайтанов 1996а – *Шайтанов И.О.* Жанровая поэтика // Вопр. лит. 1996. № 3. С. 17–21.

Шайтанов 1996б – *Шайтанов И.О.* Жанровое слово у Бахтина и формалистов // Там же. С. 89–114.

Шайтанов 2002 – *Шайтанов И.О.* Классическая поэтика неклассической эпохи. Была ли завершена «Историческая поэтика»? // Вопр. лит. 2002. № 4. С. 82–135.

Шайтанов 2007 – *Шайтанов И.О.* Историческая поэтика А.Н. Веселовского: сравнительный метод // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 170–175.

Шайтанов 2009 – *Шайтанов И.О.* Зачем сравнивать? Компаративистика и/или поэтика // Вопр. лит. 2009. № 5. С. 5–31.

Шайтанов 2011 – *Шайтанов И.О.* Становление сравнительного метода в системе исторической поэтики // Американские культурные мифы и перспективы восприятия литературы США. Памяти проф. А.М. Зверева. М.: РГГУ, 2011. С. 195–204.

Глава 1

Теория и методология компаративистики

Денис Соболев

Понятие «мировая литература» и его проблемы

В статье анализируется «изучение мировой литературы» в той форме, в которой оно сложилось за последние 20 лет. В первой части освещается история проблемы и то проблемное поле, в рамках которого существует понятие «мировая литература» в современном его толковании, а также проект изучения этого феномена. Анализируя отчеты Американской ассоциации сравнительной литературы, автор приходит к выводу, что обращение исследователей к «мировой литературе» в значительной степени явилось результатом кризиса американской компаративистики как дисциплины в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Вторая часть статьи посвящена аналитическому рассмотрению основных вопросов, проблем и решений, связанных с проектом «мировой литературы»: проблеме объема анализируемого корпуса и кросскультурного перевода, понятийной рефлексии и принципам таксономизации, к социологизации литературоведения и методам исследовательского обобщения, проблеме «культурных регионов», гомогенизации и реификации объектов исследования. Это рассмотрение показывает, что теоретические сложности и неразрешенные проблемы перевешивают те изменения в понимании литературных текстов, процессов и структур, которых новой школе к настоящему моменту удалось достичь. В целом совокупность решений, предложенных школой «изучения мировой литературы», оказалась недостаточно убедительной, а «второй кризис компаративистики» был отсрочен, но не разрешен.

Ключевые слова: сравнительная литература, «мировая литература», кризис компаративистики, методы обобщения, понятийная рефлексия, проблемы перевода, социология литературы, Г. Левин, Ч. Бернхеймер, Ш.Г. Спивак, Д. Дэмрош, П. Казанова, Ф. Моретти.

За последние 15 лет в литературоведении появилась новая область, получившая название «Изучение мировой литературы», или просто «Мировая литература». По «мировой литературе» читаются курсы, издаются книги и учебные пособия, проводятся конференции и многодневные семинары; ее появление оказалось особенно

заметным на фоне общего оскудения теории литературы и повторяющихся деклараций о «смерти теории»¹. На определенном этапе ее растущее влияние оказалось столь значительным, что все чаще стали слышны утверждения о том, что «мировая литература» сможет заменить собой сравнительное изучение литературы в традиционном смысле. Иначе говоря, речь идет не только о появлении новой области, но и в значительной степени о самом будущем нашей науки. За эти 15 лет относительно много было сказано как в пользу концепции мировой литературы, так и против нее; однако, насколько мне известно, это обсуждение проходило достаточно бессистемно.

Мне бы хотелось попытаться обдумать и взвесить различные доводы за и против этого подхода, надежды, которые на него возлагаются, и теоретические проблемы, с ним связанные, и попытаться сделать это относительно систематическим образом. Упреждая дальнейшие выводы, вероятно, следует сказать, что как собственно теоретические и методологические проблемы, так и когнитивные и культурно-исторические искажения, к которым приводит этот подход, являются столь значительными и не поддающимися простому решению, что сложно представить ситуацию, при которой эти проблемы будут разрешены в обозримом будущем. А это, в свою очередь, означает, что проблемы и вопросы, вставшие перед компаративистикой в последние 20 лет, не могут быть разрешены за счет чудодейственного смешения всех ее объектов в единое «мировое» целое; эти проблемы должны быть решены самой компаративистикой с помощью нового усилия детального аналитического и критического самоосмысления. Компаративистика неизбежно будет меняться, но, на мой взгляд, она не станет (и не должна стать) всеядной наукой «о мировой литературе».

На более практическом уровне эти размышления ставят перед собой две цели, находящиеся в несколько разных плоскостях. Во-первых, мне бы хотелось прояснить то проблемное поле и контуры той исторической ситуации, в рамках которых появились понятие «мировая литература» в современном его осмыслении и проект ее изучения. Если утверждение о том, что появление как самой этой моды, так и всего комплекса фундирующих ее идей «застало нас, исследователей литературы, врасплох», и было бы преувеличением, то элемент неожиданности в их стремительном распространении все же присутствовал. Также оказался не вполне ожидаемым тот факт, что, несмотря на терминологическую идентичность и заметное идейное сходство, этот проект никак не попытался соотнести свои цели и опыт с достаточно насыщенной историей изучения мировой литературы, уже существовавшей в русских переводах. В этом смысле история появления этого проекта в значительной

степени является ключом к его лучшему пониманию, а прояснение тех вопросов и сложностей, которые лежали в его основании, позволяет лучше оценить удовлетворительность тех решений, которые были предложены в рамках «изучения мировой литературы». Разумеется, каждый из этих вопросов требует и более формального теоретического продумывания, которое и будет предпринято во второй части этого раздела. Еще раз забегаю вперед, мне хотелось бы сказать, что, несмотря на то что каждая из перечисленных ниже проблем в принципе и может оказаться разрешимой, в целом речь идет о ситуации, при которой теоретические сложности и неразрешенные проблемы значительно перевешивают как те большие надежды, которые часто связываются с нынешней реинкарнацией идеи мировой литературы, так и те, как мне кажется, не очень значительные изменения в понимании и переосмыслении литературных текстов, процессов и структур, которых новой школе «мировой литературы» до настоящего момента удалось достичь. Таким образом, если первую цель этих размышлений можно было бы назвать генеалогией в понимании Фуко, то вторая является скорее формой пролегомен.

Как и многое другое из того, о чем я думал и писал в последние годы, эти размышления являются результатом разговоров с Игорем Олеговичем Шайтановым – и в еще большей степени результатом чтения его книг, исписанных на полях моими мелкими пометками. Разумеется, как это часто бывает, результаты этих разговоров и размышлений не всегда и не полностью совпадают с его взглядами; и в этом мне видится не только знак живого научного процесса, но и крайне важного, по крайней мере для меня, человеческого диалога. Несмотря на то что без такого диалога развитие нашей науки и человеческой мысли в целом, вероятно, просто бы остановилось, в нашу перегруженную хаотической и бесполезной работой эпоху лишь немногие находят для него время. У Игоря Олеговича Шайтанова находится время и на диалог с коллегами, и на разговоры со студентами и аспирантами, и на выступления перед слушателями, просто любящими литературу. Многих из нас он познакомил между собой. Мы редко находим время для благодарностей, а часто они и кажутся нам неуместными, однако эта книга представляется мне тем местом, где подобные слова благодарности за научное вдохновение, за место встречи и за человеческое тепло могут и должны быть сказаны. Что же касается «выводов» и «позиций», то, несмотря на то что те или иные расхождения между нашими взглядами, конечно же, существуют, мне кажется, они невелики по сравнению с тем огромным влиянием, которое оказали на меня, на характер задаваемых мной вопросов и на мои статьи

работы Игоря Олеговича, заново поставленные им вопросы, его критика существующего положения дел, популярных воззрений и практик преподавания компаративистики и сделанные им выводы. Без этого многолетнего разговора, часто мысленного, ни эти заметки, ни многое другое никогда бы не было написано; под влиянием этого диалога я начал совсем иначе задаваться вопросами как о понятийных основаниях нашей «сравнительной» науки, так и о модальности задаваемых ею вопросов в их отношении к более широким культурным и историческим контекстам.

В общих чертах история компаративистики относительно хорошо известна². Несмотря на то что проходившие в ней процессы до сих пор требуют осмысления и продумывания, для дальнейшего изложения вполне достаточно контурного понимания этой истории. Мы знаем, что к 1930–1940-м годам французская школа компаративистики окончательно заняла главенствующее положение; общая структура компаративистики сложилась в рамках тогдашнего французского позитивизма; в качестве ее центральных проблем были обозначены вопросы влияния и рецепции «иностраных» авторов в рамках национальных культур; ее методология стала однозначно ориентироваться на поиск фактов текстуального сходства. В конце 1940-х – начале 1950-х годов произошло дальнейшее сужение круга компаративных вопросов, в значительной степени ставшее результатом стремления свести выводы к тем, которые можно «доказать» на уровне сличения атомарных «текстуальных фактов», понятых в традиционно позитивистском смысле. В первой половине 1950-х годов такая, на тот момент уже традиционная, позитивистски ориентированная компаративистика в стиле Фернана Бальдансперже и Жана-Мари Карре оказалась в кризисе. Началом кризиса обычно принято считать появление небольшой статьи Рене Уэллека [Wellek 1953]³, выступившего с критикой книги «Сравнительная литература» одного из ведущих учеников Карре, Мариуса-Франсуа Гийара [Guyard 1951]; однако довольно быстро кризис принял форму противостояния французской и американской школ. В результате этого кризиса сравнительному литературоведению, незадолго до этого казавшемуся вполне сложившейся дисциплиной, пришлось не только вновь обратиться к саморефлексии, но и заново сформулировать свои цели и методологические основания. Рене Этьембль, возглавивший французскую школу компаративистики в посткризисный период, опубликовал манифест, в котором впервые сформулировал радикальную, марксистски ориентированную программу превращения компаративистики в изучение литературы человечества [Etiemble 1958: 154–173]⁴. Однако на практике эта программа не была реализована достаточно убедительно

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)